

УДК 32.001

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

*Трусов Николай Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, начальник
кафедры конституционного и международного права,
Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород.
E-mail: nikevor@yandex.ru*

В статье представлены теоретико-методологические основы понимания безопасности, системы обеспечения национальной безопасности России, анализируются современные правовые начала ее закрепления, дается сравнительно-правовой анализ Стратегий обеспечения национальной безопасности России 2009 и 2015 гг.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, обеспечение национальной безопасности, система обеспечения национальной безопасности, система национальной безопасности.

Летом 2015 года Президентом России В. В. Путиным было объявлено о разработке новой стратегии национальной безопасности, что обусловило дополнительное внимание к данному вопросу. 31 декабря 2015 года Президент РФ утвердил новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации [2]. Поэтому обращение к анализу главного документа стратегического планирования в области национальной безопасности уже само по себе является актуальным. Однако практически ценным, прежде всего, для субъектов, обеспечивающих национальную безопасность России, будет являться сравнительно-правовой анализ двух основных документов: «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 года [1] (далее по тексту – Стратегия 2009 года) и пришедшей ей на смену «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года [2] (далее по тексту – Стратегия 2015 года).

Прежде всего, в настоящей работе мы бы хотели сделать акцент на теоретико-методологических основах понимания феномена национальной безопасности России. Несмотря на то, что терминология, основу которой составляет феномен безопасности государства, активно употребляется в научных публикациях и часто звучит с экранов телевизора во всевозможных публичных выступлениях по широчайшему кругу вопросов, далеко не всегда даже у «высоких» представителей власти имеются четкие представления о феномене национальной безопасности. Следствием является пробельность, иная дефектность соответствующего правового закрепления, влекущая ошибки в построении системы обеспечения национальной безопасности страны в целом.

Сложность и многогранность феномена национальной безопасности предопределили наличие в юридической и специальной литературе множества подходов к пониманию ее природы, в связи с чем есть

потребность расставить отдельные методологические акценты.

Очевидно, что понятие «национальная безопасность» является разновидностью более общей категории – «безопасность». О проблемах безопасности люди задумались еще на заре своей истории. На ранних стадиях существования опасность угрожала, прежде всего, со стороны природных явлений, диких животных, неурожая и т. п. По мере развития человечества актуальной стала также защита от опасностей, создаваемых самим человеком.

Согласно словарю Роберта термин «безопасность» начал употребляться с 1190 года и означал спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако в этом значении в лексику народов Западной Европы он прочно не вошел и практически не использовался вплоть до XVII века. В XVII–XVIII вв. в большинстве стран мира утверждается точка зрения, что государство имеет своей целью обеспечение общего благосостояния и безопасности. Термин «безопасность» при этом трактовался как ситуация спокойствия, проявляющаяся в результате опасности в совокупности материальных, экономических, политических условий и соответствующих органов и организаций, способствующих созданию данной ситуации [3, с. 13–14].

Современные представления о феномене безопасности разнообразны. В частности, можно выделить два основных подхода, на основе которых учеными и специалистами формулируются соответствующие определения. Во-первых, безопасность понимается как отсутствие опасности. Основу данного понимания составляет этимологическое рассмотрение термина «безопасность» (без опасности). Во-вторых, безопасность рассматривается как свойство (или атрибут) системы. В основе данного понимания лежит предположение о естественной защищенности любой системы (начиная от атомов и человека до социальных систем) от разрушительного воздействия на нее каких-

либо сил. Существует большое количество оригинальных дефиниций безопасности, где в качестве стержневой основы используются такие характеристики, как система или совокупность отношений, защищенность, способность, совокупность условий или факторов и др.

Однако среди множества существующих подходов к определению рассматриваемой категории самым распространенным следует признать подход, в соответствии с которым безопасность понимается как *состояние защищенности*. Одной из основных причин распространенности данного подхода является генезис самого явления и его понимания.

Таким образом, *безопасность – есть состояние защищенности объекта от различных угроз (реальных, потенциальных, внутренних, внешних и пр.), обеспечивающее его устойчивое существование и развитие*. Заметим, что без развития объекта обеспечения даже в условиях его устойчивого существования нельзя говорить о полноценном состоянии защищенности – безопасности объекта. Отсутствие развития ведет к стагнации, росту напряженности, геометрическому росту угроз и, в конечном итоге, «гибели» объекта. Указанное справедливо и для всех производных от феномена безопасности, в том числе и национальной безопасности России.

Понимание безопасности как определенного состояния защищенности составляло основу официальной дефиниции безопасности, закрепленной в Законе Российской Федерации 5 марта 1992 года «О безопасности» [4] (утратил юридическую силу в связи с принятием нового Федерального закона 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» [9]). Статья 1 Закона 1992 года определяла безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Однако среди видов безопасности национальную безопасность Закон 1992 года так и не назвал, видимо, заключив ее в слова «иные виды безопасности» (ст. 13).

Отметим, что и в Конституции РФ 1993 года термин «национальная безопасность» отсутствует, однако она выделяет следующие разновидности безопасности: «безопасность государства» (ч. 5, ст. 13; ч. 3 ст. 55; ч. 1 ст. 82; п. «д», ч. 1, ст. 114), «общественная безопасность» (п. «б» ч. 1 ст. 72), «экологическая безопасность» (п. «д» ч. 1 ст. 72), «безопасность граждан» (ч. 1 ст. 56), «безопасность других людей» (ч. 1, ст. 98). По смыслу конституционных норм мы можем говорить и об упоминании в Конституции РФ таких разновидностей безопасности, как военная безопасность, когда речь идет об «обороне и безопасности» (п. «м» ст. 71), и безопасности личности, когда речь идет о праве каждого на труд в условиях, отве-

чающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3, ст. 37). Очевидно, что говорить о какой-либо системе при таком подходе не приходится, однако заметим, что все из названных разновидностей безопасности нашли свою конкретизацию в текущем законодательстве по вопросам обеспечения национальной безопасности.

Термин «национальная безопасность» американского происхождения, поэтому на Западе используется не в смысле безопасности конкретной национальности, а в смысле безопасности всей страны. Этот термин был впервые использован в 1904 году в послании Президента США Теодора Рузвельта Конгрессу США, в котором он обосновывал захват зоны Панамского канала интересами национальной безопасности [3, с. 20].

На ранних этапах развития национальная безопасность рассматривалась в основном как проблема обеспечения военной безопасности, однако с принятием Закона США от 26 июля 1947 года «О национальной безопасности» соответствующее определение стало интегрировать еще и вопросы внутренней и внешней политики к проблеме обеспечения военной безопасности США. Впоследствии усилиями западных политиков и политологов в понятие национальной безопасности стало вкладываться более широкое содержание, суть которого сводится к способности защитить национальные ценности, интересы, традиции в различных сферах при любых внешних и внутренних условиях.

В дореволюционной отечественной государственно-правовой мысли, не то, что термин «национальная безопасность», даже термин «безопасность» встречался достаточно редко, поскольку обеспечение безопасности было предметом науки полицейского права. Содержание данного термина тогда можно определить как обеспечение общественной безопасности сегодня.

В СССР термин «национальная безопасность» не получил распространения в законодательстве, прежде всего, «в силу иного содержания, вкладываемого в понятия "нация" и "национальное"».

Термин «национальная безопасность» в правовом пространстве современной России появился в 1995 году, но само понятие было впервые сформулировано лишь в 1997 году в «Концепции национальной безопасности», утвержденной Президентом РФ [5]. В соответствии с ней под национальной безопасностью Российской Федерации понималась «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти», что, очевидно, никак не могло быть синхронизировано с официальным пониманием родового понятия безопасности в рассматриваемый период – «состояние защищенности

жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Такая «понятийная бессмыслица» не могла положительным образом сказаться на эффективности обеспечения безопасности России, как не могла и положительно влиять на рассмотрение соответствующего феномена в научной среде. Об этом убедительно свидетельствует большое количество существующих определений национальной безопасности и ее предметных областей, принципиально отличающихся друг от друга по общему смыслу.

Только лишь с принятием 12 мая 2009 года «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [1], указом об утверждении которой была признана утратившей юридическую силу ранее действовавшая Концепция национальной безопасности России 1997 года (в редакции 2000 года), понимание безопасности как определенного состояния защищенности стало составлять основу официальной дефиниции национальной безопасности. Стратегия 2015 года [2] подтвердила приверженность данной позиции.

Тем не менее, определения национальной безопасности, которые были сформулированы в обеих Стратегиях, нельзя назвать безупречными. Так, определение, которое было сформулировано в Стратегии 2009 года, ярко демонстрировало имевшийся в науке и юридической практике асистемный подход к пониманию феномена национальной безопасности и непоследовательность политики в вопросах ее обеспечения. В соответствии с п. 6 Стратегии 2009 года национальная безопасность – это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства». Получалось, что национальная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства, которое позволяет обеспечить безопасность. Все становилось еще запутаннее, если в это определение подставляли то, что понималось под безопасностью в соответствии со ст. 1 действующего на тот период времени Закона «О безопасности» 1992 года – «это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства».

В Стратегии 2015 года данный дефект был устранен, но сама дефиниция не может не вызвать терминологические споры. Итак, в соответствии с п. 6 Стратегии 2015 года национальная безопасность – это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при кото-

ром обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». И если суверенитет и территориальная целостность еще и имеют содержательное различие (они также были использованы в определении Стратегии 2009 года), то содержательное разграничение четырех использованных в определении понятий (суверенитет, независимость, государственная целостность, территориальная целостность) невозможно.

Несмотря на наличие дефектов, следует признать, что оба определения соответствуют этимологическим и историческим корням понимания явления, являются вполне лаконичными и содержат уже устоявшийся в России подход о триедином объекте обеспечения безопасности: личности, общества и государства.

Безопасность (состояние защищенности) является имманентно присущим свойством любой сложной системы. Любой сложноорганизованный системный объект, включая живых организмов, человека, государство, стремится противодействовать разрушительному воздействию на них каких-либо сил. Так, в частности, М. А. Лесков рассматривает безопасность как явление тождественное гомеостазису системы [6, с. 66], под которым понимается тип динамического равновесия, характерный для сложных саморегулирующихся систем состояний в поддержании существенно важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах [7, с. 97]. Учитывая, что категория «обеспечение» наделяет связанное с ней понятие деятельностным аспектом, динамической характеристикой, то под **обеспечением безопасности** следует понимать *разнообразную деятельность по достижению и поддержанию необходимого состояния защищенности объекта.*

Отметим, что в Стратегии 2009 года отсутствовало определение понятия «обеспечение национальной безопасности». Стратегия 2015 года устранила данный пробел: «обеспечение национальной безопасности – реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов» (п. 6). Несмотря на то, что был использован деятельностный подход к определению понятия, такую дефиницию нельзя признать безупречной.

Во-первых, она не в полной мере соответствует тому подходу, который был нами обоснован. Цель обеспечения безопасности – достижение и поддержание состояния защищенности объекта. Объект обеспечения национальной безопасности России, как уже было отмечено, триедин: личность, общество и государство. Конечно же, достижение состояния защищенности такого объекта подразумевает и противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов, но не они конечная цель. Возможны ситуации, когда слепое противодействие угрозам или тотальное удовлетворение интересов ведут не к безопасности (состоянию защищенности объекта), а, наоборот, закладывают «почву», основания для угроз (настоящих, потенциальных и пр.).

Во-вторых, «дешифровка» предлагаемого определения, с одной стороны, вносит больше ясности в понимание сути обеспечения национальной безопасности, но, с другой стороны, не способствует уточнению понимания его содержания. В соответствии с п. 6 Стратегии 2015 года «угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам». Учитывая это, фраза из определения «противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов» может быть уточнена как «противодействие нанесению ущерба национальным интересам и удовлетворение национальных интересов». Другими словами, целью обеспечения национальной безопасности является защита и удовлетворение национальных интересов. Вполне логично и лаконично, но можно пойти еще дальше. В соответствии с п. 6 Стратегии 2015 года «национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития». В итоге получается, что национальная безопасность – это состояние защищенности личности общества и государства, а обеспечение национальной безопасности – это защита и удовлетворение потребностей личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. То есть *обеспечение* безопасности объекта есть защита и удовлетворение его потребностей в *обеспечении* его защищенности и устойчивого развития.

Следует признать, что подход к определению угроз национальной безопасности, которое давалось в Стратегии 2009 года, как «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации,

обороне и безопасности государства», больше соответствует выработанному нами методологическому подходу, поскольку прямо указывает на диалектическое единство с объектом обеспечения. Итак, *угрозы безопасности – совокупность различных условий и факторов (экономических, политических, экологических, информационных и иных), создающих (способствующих) опасность и наносящих ущерб равносному состоянию защищенности объекта, дестабилизирующие его.*

Тесно связанным с предыдущим является определение *условий безопасности – совокупность различных условий и факторов (экономических, политических, экологических, информационных и иных), способствующих достижению и поддержанию соответствующего состояния защищенности объекта.* Отметим, что ни Стратегия 2009 года, ни Стратегия 2015 года не содержат официального понимания указанного понятия.

Обеспечение безопасности – это сложный системный перманентный процесс. Обобщенной характеристикой всех его форм служит понятие система обеспечения безопасности. Применительно к сложно-организованным социально-правовым объектам *система обеспечения их безопасности* будет представлять собой *закрепленную нормативными правовыми актами систему органов и институтов, направленную на достижение и поддержание необходимого состояния защищенности, создание условий безопасности и противодействие ее угрозам.*

Система обеспечения безопасности включает в себя три составляющих:

- 1) институциональную – систему органов и институтов, обеспечивающих безопасность;
- 2) инструментальную – совокупность приемов, способов, мер, средств обеспечения безопасности;
- 3) правовую – совокупность правовых норм, устанавливающих институциональную составляющую, регламентирующую инструментальную составляющую, определяющую внутрисистемное взаимодействие.

Отметим, что и в Стратегии 2009 года и в Стратегии 2015 года использован принципиально верный подход к определению понятия системы обеспечения национальной безопасности, однако нигде не обошлось без «нюансов».

В соответствии с п. 6 Стратегии 2009 года, система обеспечения национальной безопасности – это «силы и средства обеспечения национальной безопасности». При этом силы обеспечения национальной безопасности – это «Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или)

правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации», а средства обеспечения национальной безопасности – это «технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению». Таким образом, налицо простая конструкция определения понятия, основанная на перечислении двух составляющих системы обеспечения безопасности (институциональной и инструментальной; нормативная составляющая подразумевается сама собой, но также упоминается в п. 25 Стратегии 2009 года) с последующей их расшифровкой.

Обратим внимание лишь на отдельные дефекты. Во-первых, Стратегия 2009 года исходит из того, что система обеспечения национальной безопасности России включает ряд составляющих, но сколько их точно не понятно. Так, в определении (п. 6) непосредственно речь идет о двух составляющих – институциональной и инструментальной; а в п. 25 уже о трех – институциональной, правовой и ресурсной («ресурсные возможности государства и общества»).

Во-вторых, инструментальная составляющая системы обеспечения в соответствии с п.97 состоит из «комплекса мер организационного, нормативно-правового и информационного характера», а в соответствии с п. 98 – из «политических, организационных, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер».

В-третьих, дискуссионной является формулировка институциональной составляющей. Так, из самого определения очевидно разделение сил обеспечения национальной безопасности на три группы: 1) Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная служба; 2) органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена правоохранительная служба; 3) федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации. Однако в п.98 говорится еще и об «усилиях» институтов гражданского общества. Если к силам обеспечения они не относятся, то куда их следует отнести? Вопросов возникает еще больше, если мы обратимся к Федеральному закону «О безопасности» 2010 года. В нем

вообще отсутствует упоминание о силах обеспечения безопасности, как и о системе обеспечения национальной безопасности в целом. Однако его глава вторая (из четырех) полностью посвящена полномочиям федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности. Очевидно, что ни вторая, ни третья группа из приведенного перечня не относились к силам обеспечения безопасности. Из указанной неразберихи был найден выход: в науке предложили различать отдельно силы и отдельно субъектов обеспечения национальной безопасности. Логика простая: все те, кто не относился к силам, относился к субъектам обеспечения национальной безопасности России.

В Стратегии 2015 года была предпринята вполне удачная попытка устранения указанных дефектов. В соответствии с п. 6 Стратегии 2015 года, система обеспечения национальной безопасности – это «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов». Здесь налицо все та же простая конструкция определения понятия, связанная с перечислением двух составляющих системы обеспечения безопасности (институциональной и инструментальной; нормативная составляющая, как и ранее, подразумевается сама собой), но никаких последующих расшифровок нет.

Таким образом, из действующей Стратегии 2015 года исчезло понятие «силы обеспечения национальной безопасности», а вместе с ним и дихотомия на силы и субъекты обеспечения национальной безопасности. Теперь все органы и институты, входящие в институциональную составляющую системы обеспечения, являются субъектами обеспечения национальной безопасности России. Однако и здесь не обошлось без дефектов. Дело в том, что в соответствии с определением институты гражданского общества не относятся к субъектам обеспечения национальной безопасности, но их фактически можно отнести к таковым в соответствии с п. 6 (упоминаются в определении понятия «обеспечение национальной безопасности») и п. 109 Стратегии 2015 года.

Крайне важным для решения вопросов обеспечения безопасности является понимание того, что *безопасность сложноорганизованного объекта является сложным системным явлением, включающим в себя целый ряд элементов (подсистем), состоящих друг с другом в сложных структурно-функциональных связях*. Следует согласиться с И. Б. Кардашовой в том,

что, если система обеспечения безопасности – это организационная система органов, сил, средств, различных организаций, призванных защищать национальные интересы, то система безопасности – это функциональная система, отражающая процесс взаимодействия национальных интересов и угроз [8, с. 25]. Данное одинаково справедливо и для всех производных от феномена безопасности, в том числе и национальной безопасности России.

Таким образом, *систему национальной безопасности* можно определить как *внутреннее строение национальной безопасности, отражающее диалектику взаимодействия национальных интересов и всевозможных угроз личности, обществу и государству.*

Систему национальной безопасности России образует множество взаимосвязанных функциональных элементов, которые в своей совокупности и формируют единую системную целостность. Государство, выступая сложным системным образованием, интегрирует множества подсистем: политическую, экономическую, социальную, экологическую и др., в каждой из которых потенциально возможно формирование угроз как для самой сферы отношений, так и для безопасности страны в целом. Вслед за многими учеными и специалистами в рассматриваемой области мы полагаем, что национальная безопасность России включает в себя следующие разновидности (подсистемы): государственную, экономическую, военную, энергетическую, продовольственную, общественную, экологическую, технологическую, промышленную, информационную, безопасность личности, духовную, демографическую и др. Некоторые ученые и специалисты выделяют и иные разновидности, кто-то большее их количество, кто-то меньше. Отметим лишь только то, что действующая Стратегия национальной

безопасности России 2015 года [2] указывает на 16 предметных сфер – 16 разновидностей (подсистем) системы национальной безопасности России.

В заключение следует констатировать, что эффективная организация обеспечения национальной безопасности России неизбежно предполагает понятийно-категориальную определенность. Только так можно избежать пробельности, иной дефектности в соответствующем правовом закреплении, влекущие ошибки в построении системы обеспечения национальной безопасности страны в целом и как следствие снижающие эффективность такой организации.

Литература

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
3. Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М., 2004.
4. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 769.
5. См.: Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 52. Ст. 5909 и Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.
6. Лесков М. А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность. 1994. № 4.
7. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986.
8. Кардашова И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2006.

N. A. Trusov

THE METHODOLOGICAL ACCENTS OF UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

The article presents the theoretical and methodological fundamentals of the understanding of security, national security of Russia, national security system in Russia, system of maintenance of national safety. The author also analyzes modern basics of its legislative consolidation, given the comparative legal analysis of Strategies of national security of Russia 2009 and 2015.

Key words: security, national security, national security system, maintenance of national safety, system of maintenance of national safety.

TRUSOV Nikolai Aleksandrovich – a candidate of juridical sciences, associate professor, head of the Chair of Constitutional and International law, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod.

E-mail: nikevor@yandex.ru